

~~3. IV.~~

~~60~~

~~1873~~

29505

~~3. IV.~~

~~60~~

1898

1873

288 ⁹/₂₄

ГОДИЧНЫЙ АКТЪ

1934

ИМПЕРАТОРСКАГО

ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

30-го Августа 1873 года.

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА

На Медовой улицѣ № 487.

1873.

№ 98
1873.

~~8. 11.~~
~~90~~

ГОДИЧНЫЙ АКТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

30-го Августа 1873 года.

29505

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Інв. № _____

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА

На Медовой улицѣ № 487.

1873.

Проверено
Ш-Б 1939

ЦНБ ХНУ ім. В.Н. Каразіна
2010 р.

58

2010

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго
Университета.

Ректоръ, Тайный Совѣтникъ, *Н. Блаловщевскій.*

Четвертый годичный актъ Императорскаго Варшавскаго Университета происходилъ 30 августа 1873 года, въ присутствіи Его Сіятельства, Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ Генераль-Фельд-маршала Графа Ѳ. Ѳ. Берга, Его Высокопреосвященства, Архіепископа Варшавскаго Іоанникія, Г. Попечителя Учебнаго Округа Сенатора Ѳ. Ѳ. Витте, высшихъ военныхъ и гражданскихъ властей и многочисленной публики.

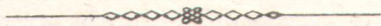
Актъ начался молитвою „Царю Небесный“, пропѣтою архіерейскими пѣвчими.

Затѣмъ послѣдовало чтеніе: 1) профессоромъ *Кашницею* рѣчи: „Объ отношеніи юридическихъ наукъ къ другимъ наукамъ“; 2) профессоромъ *Люперольскимъ*—краткаго отчета о состояніи и дѣятельности университета за истекшій академическій годъ.

Послѣ того, г. Ректоръ университета обратился съ краткою рѣчью къ присутствующей публикѣ.

(Рѣчь профессора Кашницы, отчетъ и рѣчь, сказанная г. Ректоромъ, приводятся ниже; напечатанная тутъ же рѣчь профессора *Гиршфельда* не была произнесена на актѣ по недостатку времени).

Торжество окончилось пѣніемъ гимна: „Боже, Царя храни!“

ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ НАУКЪ

КЪ ДРУГИМЪ НАУКАМЪ.

(Рѣчь, произнесенная ординарнымъ профессоромъ *І. Кашиницею* на торжественномъ актѣ Императорскаго Варшавскаго Университета 30 августа 1873 года).

Самое названіе *Университета*, какъ-бы универсальнаго, общаго состава наукъ, этихъ отдѣльныхъ отраслей человѣческаго знанія, указываетъ на извѣстныя отношенія и даже на тѣсную связь между ними.

Дѣйствительно, было время, продолжавшееся почти до текущаго столѣтія, когда университеты соединяли въ себѣ всѣ важнѣйшія науки и представляли полнѣйшую внутреннюю гармонію. Но, потомъ, съ одной стороны стали образовываться другія, спеціальныя учебныя заведенія, въ которыхъ преподаютъ науки, невошедшія въ составъ университетскаго курса,—съ другой же, произошли въ самихъ университетахъ такія перемѣны, исключенія и пополненія, которыя позволяютъ поставить вопросъ: въ какомъ видѣ представляется нынѣ вышеупомянутая связь между науками?

Входя въ ближайшее разсмотрѣніе этой судьбы университетскихъ наукъ, мы замѣчаемъ прежде всего, что подобно тому, какъ въ средніе вѣка, когда образовались первые университеты, постепенно, мало по малу, группировались важнѣйшія науки въ осо-

бые *факультеты* (facultates, ordines) и въ видѣ этихъ факультетскихъ *разрядовъ* соединялись въ общій, университетскій составъ, въ одно цѣлое, называемое „universitas litterarum“, — такъ въ новѣйшій періодъ, на оборотъ, нѣкоторыя изъ этихъ наукъ и даже цѣлыя факультеты, выдѣляются изъ университетовъ и входятъ въ составъ новыхъ, болѣе специальныхъ заведеній. Такой примѣръ представляютъ намъ теологическія, медицинскія, отчасти же математическія и естественныя науки.

Между прочимъ во всѣхъ русскихъ университетахъ (за исключеніемъ Дерптскаго) нѣтъ совсѣмъ теологическихъ факультетовъ замѣненныхъ отдѣльными т. н. духовными академіями. Подобный порядокъ вещей встрѣчается теперь и въ Италіи, упраздненной въ послѣднее время богословскіе факультеты. Напротивъ же въ Германіи значеніе этихъ факультетовъ въ настоящее время почти увеличилось и связь ихъ съ другими сдѣлалась болѣе тѣсною, ибо въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ не только существуютъ двойные теологическіе факультеты т. е. католическіе и евангелическіе, но кромѣ того законъ положительно требуетъ отъ студентовъ этихъ факультетовъ обязательнаго посѣщенія нѣкоторыхъ лекцій другихъ, свѣтскихъ факультетовъ.

Что касается медицинскихъ наукъ, то между прочимъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ мы не находимъ медицинскаго факультета, но вмѣсто него, какъ извѣстно, существуетъ въ столичномъ городѣ Имперіи отдѣльная медико-хирургическая академія. Въ нѣкоторыхъ австрійскихъ университетахъ тоже нѣтъ медицинскихъ факультетовъ.

Сверхъ того надо также замѣтить, что въ новѣйшее время образовались или, лучше сказать, полнѣе опредѣлились новыя науки, которыя иногда присоединяются къ существующимъ университетскимъ факультетамъ, какъ на примѣръ экономическія науки, или къ новымъ специальнымъ заведеніямъ, какъ на примѣръ техническія науки, — иногда же создаютъ новыя университетскіе факультеты, какъ на примѣръ упомянутыя экономическія науки въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ университетахъ.

Во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ перемѣнъ, съ одной стороны, университеты потеряли до извѣстной степени свой прежній, универсальный характеръ и не могутъ уже считаться

единственными высшими заведеніями, — съ другой же стороны, порвалась или ослабилась прежняя связь между науками, проистекающая, повидимому, изъ самой сущности и назначенія университетовъ.

Не входя въ разсмотрѣніе взаимной связи всѣхъ другихъ наукъ, мы намѣрены прослѣдить здѣсь связь со всѣми предметами университетскаго преподаванія одной только отрасли наукъ, именно *юридическихъ*, которыя, будучи самыми важными и наиболѣе жизненными для общества, уже въ самомъ началѣ образованія университетовъ вошли въ составъ преподаванія и потомъ постоянно раздѣляли всю судьбу ихъ, не оставаясь въ то же время чуждыми всѣмъ переменамъ человѣческаго знанія, всему развитію и прогрессу онаго.

Главные отношенія юридическихъ наукъ къ другимъ предметамъ знанія выработались и опредѣлились *исторически*, опираются на твердую историческую почву. Поэтому не только современный философскій взглядъ, которымъ многіе исключительно руководится, но и историческія указанія могутъ и должны содѣйствовать надлежащему разъясненію этого вопроса.

Обыкновенно съ Греціи начинаютъ всѣ обозрѣнія, касающіяся историческаго развитія наукъ. Хотя въ ней не выдѣлилось еще правовѣдѣніе какъ отдѣльная наука, тѣмъ не менѣе предметомъ этой науки, т. е. правомъ, все таки занималась общая, главная, самая важная наука, т. е. философія. Вопросы, касающіеся права въ особенности, разсматривались въ двухъ отдѣльныхъ отрасляхъ философіи, именно въ этикѣ и политикѣ, на сколько эта послѣдняя отличается уже отъ первой, понимаемой въ болѣе обширномъ и тѣсномъ смыслѣ. Этимъ въ самомъ, такъ сказать, зародышѣ знанія, относящагося къ праву, опредѣлилось основное и необходимое *отношеніе его къ философіи*. Это мы считаемъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и существенныхъ моментовъ въ развитіи правовѣдѣнія, вліяющимъ на всю позднѣйшую судьбу его. Къ сожалѣнію, въ настоящее время такая связь правовѣдѣнія съ философіею нерѣдко упускается изъ виду не только въ воззрѣніяхъ юристовъ-практиковъ, но и теоретиковъ.

По нашему мнѣнію, подобное первоначальное, основное отношеніе знанія къ философіи является весьма важнымъ моментомъ не только въ развитіи правовѣдѣнія, но и въ развитіи другихъ спе-

ціальнихъ наукъ, не исключая даже наукъ естественныхъ. Тоже самое можно указать между прочимъ и на политической экономіи, играющей столь важную роль въ нынѣшнемъ знаніи и просвѣщеніи. Она тоже, благодаря преимущественно философіи, образовалась и стала развиваться какъ отдѣльная и самостоятельная наука. Для знающихъ исторію политической экономіи достаточно сослаться въ этомъ отношеніи только на Аристотеля и Адама Смита. Правда, что во время Аристотеля о политической экономіи, какъ объ отдѣльной наукѣ, совсѣмъ не говорится, но тѣмъ не менѣе онъ первый, какъ высшій философскій геній, обратилъ вниманіе въ своей политикѣ между прочимъ и на экономическіе вопросы. Что касается Адама Смита, съ котораго обыкновенно начинается исторія политической экономіи, какъ отдѣльной, самостоятельной науки, то всѣмъ извѣстно, что онъ является прежде всего однимъ изъ главнѣйшихъ представителей англійской философіи XVIII столѣтія; у него общее философское міровоззрѣніе тѣсно связано съ частными экономическими воззрѣніями.

Подобную связь между философіею и юриспруденціею мы видимъ во всѣхъ историческихъ періодахъ, не исключая даже римскаго періода, въ которомъ *юриспруденція только выдѣлилась* изъ общаго состава человѣческаго знанія какъ *отдѣльная наука*. Пусть ее называютъ однимъ изъ проявленій т. н. практической философіи, къ которой Римляне стремились болѣе, чѣмъ къ чисто теоретической: все-таки въ римской юриспруденціи играетъ философскій элементъ не малую роль, содѣйствуя главнымъ образомъ опредѣленію и развитію ея какъ истинной науки.

Не смотря даже на извѣстное пренебреженіе къ философіи, встрѣчаемое у Римлянъ вообще, они не отказывались однакожъ отъ заимствованія у греческихъ философовъ общихъ философскихъ опредѣленій, касающихся права.

Сами же по себѣ, отличаясь необыкновенною способностію при рѣшеніи частныхъ юридическихъ вопросовъ, Римляне не могли признать за собою такой же способности для опредѣленія общихъ философскихъ понятій. Доказательства всего этого мы находимъ въ Юстиніановыхъ пандектахъ.

Въ средніе вѣка правовѣдѣніе тоже не осталось чуждымъ философіи. Но въ этотъ историческій періодъ, какъ философія сама

но себѣ развивается преимущественно подъ вліяніемъ *теологій*, такъ и правовѣдѣніе не могло избѣгнуть того же преобладающаго вліянія. Тѣмъ болѣе теологія должна была вліять на правовѣдѣніе, что въ то время образовалась отдѣльная отрасль права и соответствующая ей наука, которыхъ въ древности не было, т. е. каноническое право. Только въ средніе вѣка говорится уже объ *юридическихъ наукахъ*, а не объ одной только наукѣ права, какъ это представляется намъ въ Римѣ.

Вслѣдствіе самаго увеличенія числа этихъ наукъ, увеличились и внѣшнія отношенія ихъ къ другимъ наукамъ. Это поражаетъ насъ преимущественно въ новомъ періодѣ исторіи, особенно въ настоящее время.

Но отношеніе юридическихъ наукъ къ философіи остается и въ новомъ періодѣ первымъ и главнымъ. Хотя, быть можетъ, вліяніе философіи на эти науки по временамъ уменьшается, по крайней мѣрѣ не является одинаково выразительнымъ и непосредственнымъ, тѣмъ не менѣе уже самый фактъ образованія отдѣльной философской науки, имѣющей предметомъ право, именно т. н. *философіи права*, равно какъ столь полное и богатое развитіе оной въ новомъ періодѣ, должны считаться доказательствомъ не уменьшающагося, а скорѣе увеличивающагося вліянія философіи на юридическія науки.

Въ каждую минуту новаго періода можно указать на тѣсную связь не только между философіею и всею юридическою теоріею, но также и на связь между господствующимъ въ данное время философскимъ міровоззрѣніемъ и юридическою практикою, не исключая даже самаго законодательства.

Кромѣ философіи, отношеніе которой къ юридическимъ наукамъ, какъ выше было сказано, должно считаться главнымъ и общимъ, и теологіи, съ которою тѣснѣе связана только одна изъ юридическихъ наукъ, именно наука каноническаго права, — представляются намъ еще другія науки въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ юридическими. Такъ мы не можемъ не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на отношеніи юридическихъ наукъ къ *политическимъ и къ другимъ общественнымъ или социальнымъ наукамъ*. Зародышъ его встрѣчается уже въ Греціи. Вышеупомянутое помѣщеніе вопросовъ, касающихся права или, лучше ска-

затѣ, справедливости, въ греческой этикѣ и политикѣ, указываетъ прямо на это отношеніе. Въ самомъ дѣлѣ, какой же отрасли науки было заниматься этими вопросами подробнѣе, когда специальной юриспруденціи еще не существовало? Развѣ по самой своей сущности эти вопросы не принадлежать къ области научнаго изслѣдованія государства и вообще общественнаго организма и общественной жизни? Принадлежатъ въ Греціи къ политикѣ, какъ обнимающей собою всю область этого изслѣдованія, они естественно считались κατ' ἐξοχήν общественными.

Только съ римскаго періода, когда выдѣлилась и опредѣлилась особая наука права, стали приобрѣтать эти вопросы какъ бы другой видъ и мало по малу не только не разсматривались въ политикѣ или въ другихъ общественныхъ наукахъ, но даже не развились полного сознанія о принадлежности правовѣдѣнія къ ряду общественныхъ наукъ. Однимъ словомъ, по мѣрѣ увеличивающагося развѣтвленія или *спеціализации* этихъ послѣднихъ наукъ, являются и постепенно увеличиваются какъ бы центробѣжныя стремленія въ области ихъ, — явленіе впрочемъ общее, встрѣчаемое и въ области другихъ наукъ.

Спеціализація должна несомнѣнно считаться однимъ изъ важнѣйшихъ и даже необходимыхъ условій научнаго прогресса; доказательствомъ этого служатъ многочисленные *факты* въ историческомъ развитіи наукъ. Но, съ другой стороны, и то также фактъ, что эта спеціализація, вмѣсто сближенія наукъ между собою, очень часто отдаляетъ ихъ и разрушаетъ взаимную ихъ связь, такъ что внослѣдствіи надо предпринимать отдѣльный трудъ для возстановленія этой связи. Вотъ, въ подобномъ фазисѣ развитія наукъ мы находимся безспорно и нынѣ.

Подобно тому, какъ начиная съ средневѣковаго періода, юриспруденція спеціализировалась и развѣтвлялась далѣе и далѣе, спеціализація и развѣтвленіе другихъ общественныхъ наукъ увеличивались постепенно. Наконецъ, человѣческое знаніе дошло до того страннаго пункта, что у многихъ его представителей совершенно потерялось сознаніе о внутренней и существенной связи между юридическими и другими общественными науками, о томъ именно, что юридическія науки должны считаться только частію того цѣлаго, которое мы называемъ общественными или социальными науками.

Между прочимъ, такія науки, какъ напримѣръ политика, исторія и т. п. считались и еще теперь иногда считаются, въ отношеніи къ юридическимъ, едва-ли *вспомогательными науками* (Hilfswissenschaften). Въ самомъ дѣлѣ, какое счастье, что такое названіе нашлось въ словарѣ! — Иногда даже не говорится и о вспомогательныхъ наукахъ, а только о вспомогательныхъ, необходимыхъ или полезныхъ для юриста *свѣдѣніяхъ* (connaissances nécessaires ou utiles), къ которымъ причисляется то или другое, какъ напримѣръ, кромѣ вышеупомянутой политики и исторіи, языкознаніе, наука древностей, судебная медицина и т. д.

Что же говорить объ отношеніи юриспруденціи къ одной изъ новѣйшихъ и важнѣйшихъ общественныхъ наукъ, именно къ *политической экономіи*, если были авторы, которые считали *исторію права* только *вспомогательною наукою*? За нею признается такой характеръ уже не потому ли, что она представляетъ намъ историческое развитіе, а не догматическое или систематическое изложеніе права? Дѣйствительно, это почти не понятно!

Хотя въ настоящее время понятіе и система общественныхъ наукъ еще вполне не опредѣлились, хотя именно нѣтъ полного согласія ученыхъ относительно этого вопроса, — все таки мы должны признать, что многіе и, можетъ быть, уже большинство сознаются въ тѣсной связи между юридическими и другими общественными науками. Преимущественно это касается отношенія *между правовѣдѣніемъ и политической экономіею*, которое, выступая почти на первый планъ, становится съ каждымъ днемъ тѣснѣе и важнѣе. Въ послѣднее время образовалась уже особая литература, посвященная этому вопросу, преимущественно въ Германіи, Франціи и Россіи.

Подобно тому, какъ науки государственнаго и международнаго права пользуются многими указаніями общей науки о государствѣ, называется ли она политикою (въ Аристотелевомъ смыслѣ), или философіею государства, или же фізіологіею государства, такъ науки гражданскаго, полицейскаго и финансоваго права не могутъ обойтись безъ указаній политической экономіи. Для всѣхъ же этихъ наукъ представляютъ сверхъ того фактическій, жизненный и какъ бы оправдывающій матеріалъ *исторія и статистика*, которыя бросаютъ свѣтъ на всѣ стороны человѣческаго бытія.

По нашему мнѣнію, эти науки, подобно тому, какъ и философія, должны считаться общими, необходимыми для всѣхъ другихъ наукъ, вліяющими на ихъ развитіе. Исторія и статистика могутъ главнымъ образомъ содѣйствовать устраненію того поразительнаго антагонизма, который обнаружился въ послѣднее время между математическими и естественными науками съ одной стороны, философскими и общественными съ другой.

Обыкновенно только первая изъ нихъ, т. е. математическія и естественныя, считаются *точными науками* (*sciences exactes*). Мы не имѣли бы, быть можетъ, ничего противъ этого названія, если бы въ немъ не слышалось упрека въ неточности относительно другихъ, напримѣръ общественныхъ наукъ, если бы съ названіемъ, положимъ, *нравственныхъ наукъ*, не соединялось иногда какое-то отрицательное представленіе. Даже нѣкоторые изъ представителей т. н. точныхъ наукъ сдѣлались нынѣ до такой степени односторонними и исключительными приверженцами ихъ, что иногда проявляется у нихъ странное расположеніе не признавать за другими науками характера наукъ!

Если бы тѣ или другія абстрактныя теоріи и фикціи въ области общественныхъ наукъ и дали поводъ къ такому крайнему взгляду, то именно въ настоящее время главнымъ образомъ исторія и статистика могутъ и должны избавить общественныя науки не только отъ упомянутыхъ абстракцій, но и отъ упрека въ неточности. Тому же упреку должно противопоставить и то отношеніе, въ которое въ послѣднее время вошла *наука уголовного права къ психологii*. По мѣрѣ увеличивающагося примѣненія индуктивнаго метода въ области этой философской науки увеличивается и точность науки уголовного права, которая сверхъ того должна пользоваться и уже отчасти пользуется историческими и статистическими указаніями. Говоря о наукѣ уголовного права, должно еще для полноты сказать объ отношеніи ея къ наукѣ т. н. *судебной медицины*. Это отдѣльное отношеніе двухъ наукъ, основывающихся на совершенно отличныхъ и какъ-бы чуждыхъ другъ для друга разрядахъ наукъ, указываетъ на извѣстную связь даже между юридическими и медицинскими науками, которая представляется намъ также въ *медицинской полицii*.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ области юридическихъ наукъ сближаются различныя, почти всѣ важнѣйшія науки между собою и содѣйствуютъ разъясненію юридическихъ вопросовъ, столь важныхъ и жизненныхъ для всѣхъ членовъ общества, почти во всѣхъ направленіяхъ ихъ бытія. Гдѣ же не находится право? Гдѣ же оно не покровительствуетъ и не поощряетъ?

Чего, между прочимъ, не требуется отъ законодательной власти? Не должна ли она познакомиться со всѣми потребностями, стремленіями и сторонами жизни общества? Желая же вполне удовлетворить всѣмъ требованіямъ общества, можетъ ли она отказаться даже отъ тѣхъ специальныхъ свѣдѣній, которыя нынѣ доставляютъ *естественныя и техническія науки*? Достаточно въ этомъ отношеніи разсмотрѣть протоколы засѣданій законодательныхъ комитетовъ, государственныхъ совѣтовъ и парламентовъ. Достаточно прочесть мотивы къ разнымъ проектамъ законовъ!

Слѣдовательно, положенія теоріи объ отношеніи юридическихъ наукъ къ другимъ наукамъ, подтверждаются и подкрѣпляются многими явленіями практики. Однакожъ, въ современной литературѣ, равно какъ въ университетскомъ преподаваніи, не всѣ эти положенія принимаются вполне и примѣняются точно. Въ особенности должно замѣтить, что обыкновенно, во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ, признается болѣе или менѣе тѣсная связь и даже взаимная зависимость между одной изъ юридическихъ наукъ и другой какой либо наукою, но вообще мы не видимъ полного и основательнаго сознанія отношенія всей системы юридическихъ наукъ къ другимъ наукамъ. Именно здѣсь является очень часто недостатокъ общаго основанія, синтетическаго понятія, которое могло бы соединять юридическія науки съ другими науками существеннымъ, внутреннимъ такъ сказать, а не внѣшнимъ только образомъ. Этотъ недостатокъ поражаетъ насъ преимущественно въ вышеупомянутомъ ученіи о т. н. вспомогательныхъ наукахъ, отношеніе которыхъ къ юридическимъ наукамъ представляется намъ только внѣшнимъ и даже иногда случайнымъ и произвольнымъ. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ вспомогательныхъ наукъ связаны столь тѣснымъ образомъ съ юридическими, что эти послѣднія, въ полномъ своемъ составѣ и развитіи, даже не мыслимы безъ нихъ, какъ это показываютъ намъ между прочимъ политическія науки, изъ числа коихъ нѣкоторыя

(напр. наука государственнаго права) считаются также юридическими. Если между двумя разрядами наукъ является столь тѣсная, истинно существенная и внутренняя связь, то очевидно эти разряды должны быть частями одного цѣлаго, которое находитъ одно общее основаніе свое въ извѣстномъ высшемъ, синтетическомъ понятіи. Такимъ понятіемъ представляется вышесказанное *понятіе объ общественныхъ или социальныхъ наукахъ*, къ которымъ мы причисляемъ, кромѣ юридическихъ наукъ, и политическія, и экономическія, и исторію и статистику.

Нынішніе т. н. юридическіе факультеты, преимущественно въ Россіи, Австріи и Италіи, должны считаться на самомъ дѣлѣ *факультетами общественныхъ наукъ*. Они называются еще *de jure* юридическими, хотя *de facto* потеряли уже характеръ какихъ-то исключительныхъ школъ правовѣдѣнія. Вообще опытъ показываетъ, что названія, слова труднѣе измѣняются, чѣмъ самая сущность вещей. Такъ какъ названіе „юридическаго“ *факультета* образовалось и упрочилось *исторически*, то теперь не такъ легко устранить его. И въ научной области обычай, привычка имѣетъ не мало значенія.

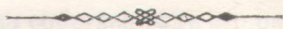
Тѣмъ труднѣе устранить упомянутое названіе „юридическій факультетъ“, что съ одной стороны юридическія науки вездѣ сохраняютъ еще извѣстный перевѣсъ въ этомъ факультетѣ, съ другой же, въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напр. во Франціи и Германіи, гдѣ науки вообще процвѣтаютъ, юридическіе факультеты и фактически не сдѣлались еще полными факультетами общественныхъ наукъ. Въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ не только есть отдѣльные экономическіе факультеты, какъ выше было сказано, но сверхъ того въ большинствѣ этихъ университетовъ экономическія и даже нѣкоторыя политическія науки и статистика преподаются въ т. н. философскомъ факультетѣ. Этотъ странный порядокъ выработался исторически, и его трудно вдругъ видоизмѣнить.

Слѣдовательно, мы считаемъ первую и главною современною задачею на поприщѣ разрѣшенія вопроса объ отношеніи юридическихъ наукъ къ другимъ наукамъ, *точное опредѣленіе и твердое упрощеніе понятія объ общественныхъ наукахъ, равно какъ возможно полное примѣненіе его къ организаціи и дѣятельности юридическихъ факультетовъ.*

Что касается другихъ наукъ, не принадлежащихъ къ кругу общественныхъ, какъ нпр. философіи, то придерживаясь неуклонно того, что было выше сказано, мы полагаемъ, что соотвѣствующимъ требованіямъ въ области университетскаго образованія можно-бы удовлетворить самымъ лучшимъ образомъ, если-бы съ одной стороны, пополнилось еще и усовершенствовалось пригготовительное, гимназическое образованіе, съ другой же, считалось обязательнымъ для студентовъ юридическаго факультета слушаніе нѣкоторыхъ лекцій историко-филологическаго и даже медицинскаго факультета, какъ это дѣлается въ Варшавскомъ Университетѣ.

Такимъ только образомъ, посредствомъ постояннаго и жизненнаго соединенія и взаимодѣйствія всѣхъ наукъ, могутъ быть мало по малу достигаемы высочайшія ихъ цѣли. *Concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilabuntur.*

И. Кашницъ.

Центръ наукъ
БИБЛИОТЕКА
И. И.

ОВЪ АНАТОМІИ:

ЕЯ ОТНОШЕНІИ КЪ ГЛАВНЫМЪ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМЪ НАУКАМЪ.

(Рѣчь, написанная ординарнымъ профессоромъ *Л. Гиршфельдомъ* для произнесения на торжественномъ актѣ Императорскаго Варшавскаго Университета 30 августа 1873 года).

На нынѣшнемъ торжественномъ актѣ, начинающемъ собою, по волѣ Бога и Августѣйшаго Монарха, пятый годъ существованія Императорскаго Варшавскаго Университета, очередь держать рѣчь пришла и на меня. Не смотря на разстроенное состояніе моего здоровья и на то, что самый мой предметъ не нуждается въ краснорѣчьи, я не могъ отказаться отъ исполненія этой обязанности, столько лестной для меня, а потому считаю пріятнымъ для себя долгомъ представить достопочтеннѣйшему собранію трудъ, обработанный мною по предмету моихъ спеціальныхъ занятій.

Анатомія, справедливо признанная основаніемъ медицинскихъ знаній, есть, можно сказать, одна изъ наукъ, польза которой наиболѣе чувствовалась, и успѣхи которой, между тѣмъ, въ послѣднее лишь время обратили на себя особенное вниманіе. Можетъ быть, что причина этого заключалась въ томъ, что анатомія всегда встрѣчала много препятствій въ своемъ развитіи, — хотя, по сущности своей, она можетъ только сильно возбуждать наше любопытство, такъ какъ ея предметъ есть изслѣдованіе органическихъ существъ, особенно же познаніе одного изъ превосходнѣйшихъ твореній создателя, — челоѣка, котораго строеніе, хотя и весьма нѣжное, по

имѣетъ съ тѣмъ прочное, представляетъ столько гармоніи въ цѣлос-
сти и столько совершенства въ подробностяхъ.

Но если она увлекаетъ насъ жаждою познанія чудесъ орга-
низма, то съ другой стороны занятія ею сопровождается цѣлый рядъ
непріятныхъ обстоятельствъ: гнилыя, заразительныя испаренія, ис-
ходящія изъ труповъ, тѣло въ разложеніи, текущее кровью и разо-
дранное на тысячи кусковъ, вездѣ приводящій въ ужасъ образъ
смерти, — вотъ картина, представляющаяся тѣмъ, которые посвя-
тили свои труды анатоміи!

Однакожь, хотя занятія анатоміей и сопровождаются рядомъ
непріятныхъ обстоятельствъ, она имѣетъ и удовольствія, которыя
насъ увлекаютъ, и нѣтъ радости больше той, когда видимъ резуль-
таты этой, требующей столько трудолюбія науки, которая возбуж-
даетъ нашу жажду познанія чудесъ организма, и которая даетъ
намъ возможность останавливаться надъ гармоническою системою
формъ, приводящихъ въ движеніе эту машину, такъ отлично постро-
енную. Непобѣдимая страсть, ведущая насъ къ собиранію законовъ
нашего существованія на собственныхъ его развалинахъ, устраняетъ
въ скоромъ времени печальныя и меланхолическія мысли, успокаи-
ваетъ возмущенное воображеніе, оставляя въ душѣ восторгъ и вос-
хищеніе. Наконецъ, какую пріятность чувствуемъ мы, представляя
жизнь, разсматривая ея крайніе слѣды! Вотъ почему не изучать
такую науку, какова анатомія, не хотѣтъ познакомиться съ прекрас-
ною картиною, какою намъ она представляетъ, значить презирать
самое превосходное механическое или архитектурное произведеніе,
игнорировать самое первое правило, самое важное основаніе: *Nosce
te ipsum*. Впрочемъ, анатомія не есть, какъ нѣкоторые говорятъ,
наука сухая и отвратительная, напротивъ того — она есть наука
занимательная, такъ какъ въ короткое время она можетъ дать пони-
тіе человѣку о различныхъ явленіяхъ, быть можетъ самыхъ обшир-
ныхъ, которыя представляются его разсужденію и его изслѣдованію.
Человѣкъ, безъ сомнѣнія, занимаетъ первое мѣсто между
всѣми органическими существами и знаетъ свое мѣсто, ибо хорошо
измѣрилъ разстояніе отъ него всѣхъ другихъ органическихъ су-
ществъ. Онъ есть царь животныхъ, онъ покорилъ ихъ и владѣетъ
ими. Его преимущество мы должны изслѣдовать, такъ какъ всѣ его
органы построены соотвѣтственно всѣмъ ихъ предназначеніямъ.

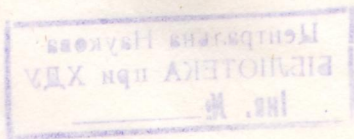
У нѣкоторыхъ животныхъ многія части организма построены неединообразно, но всегда соотвѣтственно ихъ функциямъ. Характеристическія черты, отъ которыхъ зависятъ всѣ перемѣны, наблюдаемыя нами въ живущихъ организмахъ, слѣдующія: они одарены органами пищеваренія и оплодотворенія, могутъ кормиться и размножаться; всѣ имѣютъ сосуды, по которымъ кружатъ разные соки; при помощи особаго снаряда всѣ органы получаютъ нужную имъ пищу; помощью двигательнаго аппарата, болѣе или менѣе зависящаго отъ воли, двигаютъ различными рычагами скелета, имѣющими разнородное назначеніе; наконецъ, при помощи нервныхъ шнуровъ сохраняютъ связь съ разными частями тѣла и т. п.

Вообще нужно обращать вниманіе на два рода органовъ, или сравнивать ихъ, именно на тѣ, которые составляютъ поверхность тѣла, и на тѣ, которые помѣщены въ полости; первые должно считать приборами движенія, а послѣдніе органами питанія, оплодотворенія и чувствъ. Эти органы находятся во взаимной, одной отъ другаго зависимости.

Животныя, питающіяся мясомъ, снабжены пальцами и челюстями, крѣпко вооруженными; но ихъ желудки мало развиты; напротивъ того, питающіяся растительными веществами имѣютъ ногти тупые и плоскіе зубы, на вѣнчикѣ не имѣющія заостренныхъ краевъ и бурторковъ; желудки ихъ обширны и снабжены болѣе развитыми мышцами.

Число и видъ пальцевъ и реберъ, видъ позвоночнаго столба, обращали на себя вниманіе анатомовъ. Черепъ и лице животныхъ были сравниваемы съ тѣми же частями человѣка. Наконецъ, мышцы собаки, лошади и вола, тоже были предметомъ изслѣдованія.

Человѣкъ, какъ бы мы уже сказали, занимаетъ первое мѣсто въ окружающей его природѣ, и составляетъ самую лучшую ея часть. Онъ все умѣетъ употребить въ свою пользу, опираясь, что все должно принадлежать ему, на то, что все только для него создано. Онъ начертилъ границу, отдѣляющую его отъ остальной природы, присвоилъ себѣ все то, что дышетъ, все, что вырастаетъ изъ земли, и все, что находится внутри ея. Правда, что власть его основана на неоспоримыхъ законахъ. Могущество его не есть присвоеніе, но оно находится въ естественномъ развитіи его силъ въ удовлетвореніи его интеллектуальныхъ способностей, въ общій

нихъ, произвѣдѣній его воображенія, въ богатствахъ его памяти, въ возвышенности его мысли.

Особенно достойно замѣчанія, что человѣкъ, имѣя совершенную свободу изслѣдовать все въ окружающемъ его мѣрѣ, встрѣчаетъ неодолимыя трудности, если хочетъ изучить самого себя.

Разсматривая историческія свѣдѣнія, относящіяся къ этому предмету, мы увидимъ, что анатомія вездѣ встрѣчала большія препятствія въ своемъ развитіи.

Съ какимъ гнѣвомъ смотрѣлъ бы Индѣецъ, боготворящій тѣла животныхъ, даже самыхъ отварительныхъ, на диссекцію человѣка?

Египтянинъ тоже имѣлъ подобные взгляды на счетъ этого предмета, потому что не предоставлялъ трупы ихъ естественному разложенію, но употреблялъ все свое усиліе къ тому, чтобы какъ можно лучше набальсмировать ихъ, въ томъ предположеніи, что этимъ самымъ сохраняется жилище, въ которомъ бы на долгое время послѣ смерти могла оставаться душа. Такимъ образомъ онъ передалъ слѣдующимъ поколѣніямъ эти остатки, которые служатъ памятникомъ его невѣжества въ анатоміи, хотя въ тоже время, это былъ народъ—родоначальникъ искусствъ.

Поклоненіе, какое Греки оказывали своимъ умершимъ, не менѣе препятствовало развитію анатоміи. Развѣ они не наказывали смертью честныхъ побѣдителей, оставившихъ тѣла погибшихъ воиновъ безъ погребенія? Какимъ мукамъ подвергли бы они разрушающаго ихъ гробы!

Римляне были менѣе строги въ этомъ отношеніи, но анатомія не обязана имъ никакими успѣхами. Изъ мемуаровъ Галлена видимъ, что жители вѣчнаго города принуждены были отправляться въ Александрію для изученія тамъ человѣческихъ костей, которыя конечно легче бы имъ было отпрепарировать въ Римѣ, если бы не было въ этомъ препятствій.

Болѣе тысячи лѣтъ прошло въ такомъ застоѣ. Магометане разрушавшіе города грековъ и уничтожавшіе ихъ превосходныя сочиненія, переняли всѣ суевѣрія Индіи и Египта, и не переставали считать безбожниками людей приближающихся къ трупамъ.

Анатомія, чуждая свѣтскимъ людямъ, загнанная въ анатомическіе театры, не удостоивалась никогда покровительства отъ тѣхъ любителей наукъ, которые поощряли прекрасныя и изящныя иску-

ства. Только преодолевая самыя большія препятствія, раскрывая гробы, не обращая вниманія на человѣческіе законы для объясненія законовъ природы, анатомъ, подвергая себя опасности, положилъ первыя основанія этой, столь важной наукѣ. Нѣтъ почти столѣтія, въ которомъ бы разнаго рода суевѣрія не представляли самыхъ большихъ препятствій этимъ занятіямъ.

Кромѣ этихъ многихъ препятствій, она встрѣчала и встрѣчаетъ безпрерывно непобѣдимыя трудности при практическихъ занятіяхъ ею или диссекціяхъ. Сколько нужно имѣть терпѣнія, ловкости и трудолюбія, чтобы не потерять пути въ безчисленномъ собраніи слоевъ, входящихъ въ составъ человѣческаго тѣла, ихъ взаимномъ отношеніи между собою, сплетеніяхъ различныхъ сосудовъ и нервовъ во всякой изъ нихъ. Тутъ перемѣшиваются разнаго рода органы; какаѧ трудность представляется, чтобы различить играющіе главную роль, по причинѣ ихъ пользы и силы жизненной, отъ менѣе важныхъ изъ нихъ?

Но выше упомянутыя трудности не могутъ сравниться съ тѣми, которыя встрѣчаются при различныхъ операціяхъ (вивисекціяхъ) на животныхъ, производимыхъ съ цѣлю найти отвѣтъ на какую нибудь фізіологическую задачу. Теперь начинается явленіе болѣе перваго непріятное, и истинны, которыя желаемъ изъяснить, представляются трудными для изслѣдованія, не легкими для открытія. Здѣсь нѣтъ уже той неподвижности и той тишины, которая свойственна смерти; напротивъ того, здѣсь безпрерывныя судорожныя движенія, ужасные крики, вой—непремѣнно производятъ сильное впечатлѣніе, даже на людей, одаренныхъ твердымъ характеромъ. Связанное животное, подвергнутое фізіологическимъ изслѣдованіямъ, возмущается противъ наблюдателя, цѣлое его тѣло передергивается судорогами, а малѣйшее движеніе обнаруживаетъ боль! Разсматривая впечатлѣнія, происходящія отъ этого стона, этихъ судорогъ, видя при томъ кровь, текущую со всѣхъ сторонъ, какъ трудно узнать нормальныя движенія испытываемаго нами животнаго тѣла, и отличить ихъ отъ движеній вызванныхъ ощущеніемъ боли! Какою осторожностью и проницательностью ума нужно быть одареннымъ, чтобы изъ этихъ опытовъ пріобрѣсть нѣкоторыя, приносящія пользу, свѣдѣнія! Однакоже, не смотря на всѣ эти громадныя препятствія, анатомъ и фізіологъ совершаютъ свои, соединенныя съ тяжелымъ

трудомъ, изслѣдованія, требующія, кромѣ того, предварительнаго ознакомленія со многими другими науками.

И это любопытство познанія таинственныхъ чудесъ организма было такъ сильно, убѣжденіе въ истинной нуждѣ знанія анатоміи для фізіологіи, хирургіи и медицины такъ велико, что анатомъ одержалъ побѣду надъ всѣми препятствіями и трудностями. Могу даже сказать, что страсть и побужденіе къ анатоміи были такъ велики, что во всѣхъ эпохахъ анатоміи находила себѣ краснорѣчивыхъ и ревностныхъ защитниковъ.

Въ началѣ XIV вѣка, на удивленіе цѣлому свѣту, три человѣческія тѣла были подвергнуты диссекціи Мундинусомъ, въ Миланскомъ амфитеатрѣ. Примѣръ, данный Италією, нашелъ подражаніе во Франціи очень поздно, а въ другихъ государствахъ Европы лишь только передъ XVI вѣкомъ. Тогда прекратилась секція животныхъ, анатомы все свое дѣйствіе совершали на человѣческихъ тѣлахъ, и послѣ истощенія всѣхъ усилій, добровольно возвратились къ предмету прежнихъ своихъ изслѣдованій, то есть къ препарированію животныхъ, чѣмъ занимались раньше.

Въ XVII вѣкѣ Лейдейская школа въ Голландіи сіяла яркимъ блескомъ, благодаря тремъ своимъ знаменитымъ анатомамъ, слѣдовавшимъ одинъ за другимъ: *Бергаве*, *Альбинусу* и *Сандифорту*. Они предавались съ жадностью анатомическимъ изслѣдованіямъ и обогатили науку многими открытіями. Въ началѣ того же вѣка знаменитый *Галлеръ* въ Германіи одновременно обрабатывалъ анатомію и фізіологію. Смотри на первую какъ на основаніе второй, онъ положилъ основаніе фізіологіи, которая прежде него была только собраніемъ гипотезъ и заблужденій.

Въ Германіи же, въ половинѣ послѣдняго пятидесятилѣтія начинаютъ подвергать микроскопическимъ изслѣдованіямъ самыя малыя частицы органическихъ веществъ и получаемые при этомъ результаты такъ знамениты и удивительны, что вездѣ начали подражать этому примѣру и работать въ томъ же направленіи. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ усилій торжественно явилась новая наука — *Гистологія*.

Въ Италіи съ особенною ревностью занимался анатомією *Моргани*. Этотъ безсмертный испытатель соединилъ даже анатомію

физиологическую съ анатоміею патологической, и такимъ образомъ обѣимъ этимъ наукамъ положили сильный и прочный фундаментъ.

Франція участвовала тоже въ общемъ движеніи науки и прославилась многими трудами не только по описательной анатоміи, но и по отношенію ея къ физиологій и хирургіи.

Французы гордо воспоминаютъ имена: *Vicq d'Azyr, Bichat, Boyer, Velpeau, Cruvelhier, Sapey, Blandin, Malgaigne, Bernard, Bourguery, Longet, Richet* и другихъ. Въ Россіи: *Пироговъ, Вальтеръ, Груберъ* справедливо пользуются высокою славою въ ученостъ свѣтѣ по многимъ ихъ трудамъ по описательной и по хирургической анатоміи.

Теперь, когда всѣ убѣждены въ пользѣ анатоміи, и когда считаютъ ее основаніемъ физиологическихъ, хирургическихъ и медицинскихъ наукъ, вездѣ занимаются ею весьма сильно, и предаются изученію ея съ особенною любовью.

а) Польза анатоміи въ отношеніи къ физиологій.

Помощь, какую анатомія оказывала и до сихъ поръ оказываетъ физиологій, очевидна; и дѣйствительно, — познаніе функцій какого нибудь органа почти всегда есть послѣдствіе точнаго знанія его строенія, отчего исторія функцій извѣстнаго органа, или познаніе этихъ функцій, должны разъясняться одновременно съ успѣхами анатоміи.

Открытіе Вирсунгомъ выдѣляющаго протока въ поджелудочной железѣ (*pancreas*) привело къ истинному пониманію значенія этого гроздовиднаго органа. Исслѣдованіе направленія венозныхъ заслонокъ навело знаменитаго Гарвея на мысль, что вены несутъ кровь къ сердцу изъ периферіи, чѣмъ этотъ знаменитый ученый заслужилъ безсмертную славу, потому что онъ этимъ объяснилъ процессъ кровообращенія; такого же мнѣнія былъ прежде *Дезальтинъ*, но онъ не подтвердилъ этого мнѣнія анатомическими данными, а потому его предположеніе и не было принято. Нужно сказать, что физиологія, производящая опыты помощью вивисекціи, и рѣшившая столько физиологическихъ вопросовъ, не можетъ сдѣлать ни малѣйшаго успѣха безъ предварительнаго знанія анатоміи.

b) *Польза и важность анатомии относительно хирургии.*

Преимущественно хирургия требует точного знания анатомии, которую справедливо и считает своимъ основаніемъ. Дѣйствительно, всякую хирургическую операцію на какомъ-либо заболевшемъ органѣ мы съ успѣхомъ можемъ произвести только въ томъ случаѣ, если отлично знаемъ анатомію, объясняющую намъ эти органы и въ здоровомъ (*физиологическая анатомія*) и въ болѣзненномъ состояніи (*патологическая анатомія*).

Хирургъ прежде, чѣмъ приступить къ какой нибудь операціи, долженъ знать органы, на которыхъ рѣшается ее исполнить; даѣе, необходимо, что бы онъ узналъ измѣненія въ видѣ, отношеніи и соединеніи, какимъ эти части подверглись; кромѣ того, онъ еще долженъ знать всѣ слои, лежащіе одинъ на другомъ во всякой части тѣла и ихъ взаимное отношеніе. Анатомія дѣлаетъ человѣческое тѣло прозрачнымъ для нашего глаза какъ кристалъ, она ведетъ руку хирурга и даетъ ему смѣлость, необходимую для отысканія артерій, подлежащей лигатурѣ, или опухоли, требующей устраненія ея отъ частей, которыхъ поврежденіе можетъ быть очень опасно. Анатомія указываетъ намъ самый надежный путь, по которому легче всего можемъ приблизиться и коснуться любого органа.

Легко понять, что анатомія, относящаяся къ хирургіи, не есть описательная, но такъ называемая *хирургическая или топографическая*.

Во всякой части тѣла хирургъ долженъ знать всѣ слои, входящіе въ ея составъ, и всѣ органы, образующіе эти слои, ихъ взаимное отношеніе, форму и значеніе,—такъ чтобы органъ, играющій менѣе важную роль въ организмѣ, могъ служить указателемъ для отысканія болѣе важнаго органа.

c) *Отношеніе анатоміи къ медицинѣ.*

Чтобы принести облегченіе страдающимъ, то есть, чтобы излечить какую нибудь болѣзнь, должно непремѣнно точно знать измѣненія, происшедшія въ отправленияхъ организма; чтобы узнать, какое вліяніе имѣла болѣзнь на страдающіе органы и пріискать способы, посредствомъ которыхъ можно было бы надѣяться возвра-

тить ихъ въ нормальное состояніе, нужно необходимо знать эти органы въ здоровомъ состояніи.

Мѣсто болѣзни дѣлается намъ явственнымъ черезъ измѣненія въ очертаніи, объемѣ, видѣ и отношеніи тканей. Изъ этого видно, что наука объ уклоненіяхъ въ организмъ основана на знаніи этого послѣдняго въ здоровомъ состояніи, такъ что познаніе организма въ физиологическомъ состояніи предшествуетъ познанію его въ патологическомъ. Такимъ образомъ, анатомія представляетъ первое звѣно той великой цѣпи, которую образуетъ медицинская наука, и отъ развитія анатоміи зависитъ судьба медицины. Анатомія, открывая новыя мѣстоположенія органовъ, въ которыхъ происходятъ великіе экономическіе феномены, знакомитъ насъ съ истиннымъ механизмомъ физиологическихъ и патологическихъ функцій.

Безъ сомнѣнія, можно быть хорошимъ анатомомъ, не будучи врачомъ, но неоспоримо, что не возможно быть хорошимъ врачомъ, а тѣмъ болѣе стремиться помогать развитію своей науки, не зная отлично анатоміи. И совершенно справедливо поступаетъ профессоръ *Кровелье*, сравнивая человеческое тѣло съ отлично устроенною машиною, чтобы исправить которую, если она испортится, необходимо точное знаніе системы ея колесъ, степени ихъ важности и способа ихъ дѣйствія.

Будетъ, кажется, любопытно прибавить здѣсь то, что Бэконъ сравнивалъ человѣка, по его сложному и легко подвергающемуся порчѣ строенію, съ превосходнымъ музыкальнымъ инструментомъ, который также легко можетъ портиться, и что медицина должна знать, какъ строить лиру человеческого тѣла, чтобы она издавала звуки, ей свойственные и пріятные.

Анатомія, безъ сомнѣнія, есть одна изъ наукъ, узвученіе которой представляется наиболѣе привлекательнымъ и доставляетъ намъ громадную пользу. Мы ей обязаны преимущественно тѣмъ, что намъ возможно узнать тайну того удивительнаго строенія, въ которомъ все было предусмотрено и устроено съ несравненною интеллигенціею.

Кто изъ анатомовъ, углубившись въ эти философскія мысли, не скажетъ вмѣстѣ съ славнымъ Галленомъ, что трудъ, посвященный познанію нашего строенія, есть самый прекрасный гимнъ, который дано человѣку пѣть во славу Создателя?

Тотъ, кому чуждо знаніе своего организма, подвергается зависимости отъ всего, окружающаго его. Нерѣдко встрѣчаются люди, весьма въ другихъ отношеніяхъ интеллигентные, но въ медицинѣ способные вѣрить самымъ дѣтскимъ предразсудкамъ и опаснѣйшимъ заблужденіямъ.

Независимо отъ пользы и важности анатоміи въ основныхъ медицинскихъ наукахъ, она играетъ роль вспомогательной науки при гимнастикѣ, бальсамировкѣ тѣла, живописи и взаніи.

д) *Вліяніе анатоміи на гимнастику.*

Почти всякому извѣстно, какое большое вліяніе имѣетъ гимнастика на здоровье, крѣпость силъ и ловкость тѣла.

Въ Швеціи одною только гимнастикою, безъ помощи всѣхъ другихъ средствъ, излечиваютъ не только искривленія позвоночнаго столба, но также опасные случаи, какъ болѣзни легкихъ и другихъ внутреннихъ органовъ.

Надлежащую честь изобрѣтателю этой новой и полезной для общества науки воздалъ профессоръ здѣшняго Университета, г. Лучкевичъ, въ своей диссертациі о гимнастикѣ въ слѣдующихъ словахъ: „неоцѣнимую услугу для всего человѣчества оказалъ знаменитый шведъ Генрихъ Линтъ, умершій въ 1839 г., который своимъ быстрымъ умомъ отгадалъ значеніе гимнастики для педагогики, гігіены и медицины, и основалъ совершенно новую школу гимнастики, извѣстную подъ именемъ *шведской*.“

Гимнастика Линта многимъ отличается отъ гимнастики Джона и Списса, и именно тѣмъ, что шведскій учитель опирается въ своемъ изложеніи на основаніи анатоміи и физиологін, совѣтуя въ упражненіяхъ обращать вниманіе на устройство тѣла и дѣятельность его органовъ.

Изъ этого мы видимъ, что для изученія гимнастики необходимо познакомиться съ анатоміею и ея отдѣлами о костяхъ и мышцахъ. Ибо кости служатъ точкою опоры при произвольныхъ движеніяхъ, сухожилія и форма суставныхъ поверхностей опредѣляютъ кругъ дѣйствія мышцъ, которыя производятъ движущую силу, наконецъ, нервы вызываютъ эту силу и даютъ ей направленіе.

Движеніе мускуловъ имѣть большое вліяніе на надлежащее производство жизненныхъ отправленій, а потому и на общее питаніе.

Кромѣ того гимназическія упражненія способствуютъ сохраненію красоты тѣла и нѣжности его формъ. Въ древности гимнастика часто была соединена съ врачевнымъ искусствомъ. Въ Египтѣ и Греціи ее излагали, какъ науку объ усовершенствованіи движеній. Въ настоящее время тоже многіе обращаютъ вниманіе на большую и неспоримую пользу этой науки. Въ Россіи гимнастика нашла краснорѣчиваго защитника и ревностнаго покровителя въ лицѣ Фаленскаго, адъюнкта бывшаго Виленскаго университета.

Этотъ ученый анатомъ, въ своемъ сочиненіи объ анатоміи, написалъ длинную статью о гимнастикѣ и показалъ всю ея важность, выражая это слѣдующими словами: „Гимнастическія упражненія для здоровыхъ должны имѣть общій характеръ, то есть нужно, чтобы всѣ мускулы, дѣйствующіе подъ вліяніемъ воли, были приводимы въ движеніе. По этому гимнастическая техника — дѣло совсемъ не простое.

Руководитель заведенія гимнастическихъ упражненій долженъ быть просвѣщеннымъ человѣкомъ, знакомымъ съ анатоміею для того, что бы знать, какими движеніями упражняются тѣ или другія отдѣльныя мышцы, или группы мышцъ, и что бы согласно этому, придумывать новыя движенія или же исправлять прежнія.

Гимнастическое заведеніе должно находится въ завѣдываніи врача, знакомаго съ техническою частью гимнастики, по этому врачъ и управляющій заведеніемъ должны взаимно дополнять другъ друга.

е) *Вліяніе анатоміи на изящныя искусства.*

Польза, которая произошла отъ примѣненія анатомическихъ свѣдѣній къ этимъ искусствамъ, извѣстна всякому любителю художествъ. Ежели живописное и ваятельное искусство очевиднымъ сходствомъ и подражаніемъ живущимъ тварямъ услаждаютъ и изумляютъ зрителей, то главная причина этого заключается въ точномъ знаніи анатоміи, такъ необходимомъ для художника.

Всякій художникъ, трудящійся надъ изображеніемъ человѣка, непременно долженъ познаться предварительно съ общимъ

строеніемъ тѣла, или знать связь, пропорцію и движенія костей, положеніе мышцъ, находящихся подъ кожею, и перемѣны вида ихъ во всякомъ положеніи. Кожа, покрывающая тѣло человѣка, лежащія подъ нею соединительныя ткани—жиръ и вены, которыя видны черезъ кожу, также должны быть ему извѣстны.

Указаніе на необходимость такого знакомства съ анатоміею мы находимъ даже въ самыхъ отдѣленныхъ памятникахъ древности. Упомяну здѣсь только о тѣхъ произведеніяхъ греческихъ артистовъ, которыя сохранились отчасти цѣлыми, отчасти разбитыми. Достаточно видѣть Гладіатора, Геркулеса, Аполлона Бельведерскаго, группу Лаокона, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности нашихъ словъ.

Въ позднѣйшія времена, предъ вѣкомъ возрожденія изящныхъ искусствъ въ Италіи, когда художники, желая представить свои идеалы, надѣялись только на ловкость своей руки, нѣжность кисти и силу колорита, труды и старанія ихъ оказывались бесполезными: въ произведеніяхъ ихъ не было ни естественности, ни гармоніи, ни согласія съ дѣйствительностью. Эти произведенія не могли ни удивить умъ, ни овладѣть сердцемъ и волею, ни возбудить подражаніе.

Со временъ знаменитаго Микель Анджело и Леонардо да Винчи, изъ коихъ первый издалъ славный академическій картонъ, второй же трактатъ о живописи, и которые оба приняли остеологію за основаніе изящныхъ искусствъ, искусства эти вступили на новый путь развитія, столь же блестящій, какъ вышеказанный у древнихъ.

Изъ всѣхъ наукъ, которыя непременно должны знать живописцы и ваятели, неоспоримо первое мѣсто занимаетъ наука о формахъ человѣческаго тѣла. Доказательствомъ словъ моихъ могутъ служить примѣры великихъ художниковъ, не только приказывающихъ своимъ ученикамъ посѣщать лекціи анатоміи, но пишущихъ разсужденія объ анатоміи, или издающихъ анатомическіе чертежи, какъ: Альбертъ Дюреръ, Леонардо да Винчи, Jean Coussin и другіе.

Явившійся въ то время знаменитый Рафаэль, воспользовавшись вышеупомянутымъ картономъ, положилъ прочныя основанія правильному искусству.

Чтобы получить понятие о его способѣ рисованія, достаточно пересмотрѣть собраніе его картоновъ и чертежей къ Ватиканскимъ фрескамъ, находящихся въ Императорскомъ музеѣ Эрцъ-Герцога Карла въ Вѣнѣ. Мы видимъ изъ нихъ, что онъ первоначально рисовалъ скелетъ, который потомъ облекалъ мышцами, затѣмъ кожей, наконецъ, смотря по надобности, набрасывалъ на него одежду.

Не только поступалъ такимъ образомъ Рафаэль, но и всѣ современные ему и даже позднѣйшіе художники исключительно придерживались этого способа, о чемъ свидѣлствуютъ изданныя съ этою цѣлью многія сочиненія.

Такимъ образомъ первоначальное направленіе, данное Рафаэлемъ, нынѣ упрочилось вполне и въ академіяхъ изящныхъ искусствъ систематически излагаютъ сравнительную анатомію. Но само собою разумѣется, что знаніе анатоміи художниками, ограничивается лишь изученіемъ наружныхъ формъ, выпуклостей и углубленій тѣла, его нормальнаго состоянія при спокойствіи души, и измѣненія въ грозѣ страстей.

Оканчивая этотъ краткій очеркъ развитія знанія человѣческаго тѣла, полезно будетъ упомянуть еще о раздражательномъ искусствѣ приготовленія разныхъ частей тѣла, отдѣльныхъ препаратовъ, а равно и цѣлаго человѣческаго тѣла. Первоначально, таковыя издѣлія были приготовляемы въ Италіи, а именно во Флоренціи, изъ воска, потомъ изъ бумажной папки, нынѣ же дѣлаются изъ легкой, прочной и похожей на бумагу массы. Докторъ Озу (Auzoux) въ Нормандіи основалъ фабрику производства такого рода препаратовъ въ большихъ размѣрахъ и назвалъ это производствомъ пластической анатоміи. Хотя такія издѣлія обыкновенно уступаютъ во многихъ отношеніяхъ естественнымъ, но приготовленнымъ на этой фабрикѣ, они довольно вѣрны и отличаются прочностью. И въ анатомическомъ кабинетѣ нашего Университета находятся такого рода препараты, приносящіе много пользы при преподаваніи различныхъ отраслей медицинскихъ наукъ.

f) Примѣненіе анатоміи къ бальсмированію тѣлъ.

Чтобы показать, съ одной стороны, познанія древнихъ въ анатоміи, а съ другой, пользу этихъ знаній при бальсмированіи покойниковъ, перенесемся мыслью въ прошедшіе вѣка, къ древнимъ го-

родамъ Азіи и Африки, гдѣ найдемъ начало искусства сохраненія тѣлъ.

Войдемъ въ городъ царицы Семирамиды, великолѣпный Вавилонъ, и подъ памятникомъ Бала—основателя этого города, мы встрѣтимъ остатки человѣческаго тѣла, плавающіе въ деревянномъ маслѣ. У Египтянъ самая смерть увѣковѣчила свое существованіе посредствомъ множества мумій, столь же прочныхъ, какъ прекрасныя гробницы, въ которыхъ ихъ сохраняли.

Историки и изслѣдователи древностей не согласны касательно цѣли столь старательнаго сохраненія тѣлъ умершихъ: одни приписываютъ это желанію обезпечить для души мѣсто, въ которое она могла-бы возвратиться послѣ 3-хъ лѣтняго странствованія, не переходя въ трупы животныхъ.

Другіе, болѣе рациональные изслѣдователи, считаютъ это слѣдствіемъ гигиеническихъ законовъ, столь ревностно соблюдаемыхъ этимъ народомъ.

Центральныя мѣста жаркихъ странъ, вслѣдствіе своихъ климатическихъ условій, оставались необитаемыми. Между тѣмъ берега Нила были переполнены народами, по этому безъ уничтоженія вредныхъ миазмовъ, образующихся отъ испаренія, вызваннаго здѣсь разложеніемъ множества труповъ, (хотя бы даже похороненныхъ на отдаленныхъ и возвышенныхъ мѣстахъ), зловоніе переносилось бы постоянными вѣтрами въ населенныя мѣста, производя заразу. Благодаря же этой предосторожности, по свидѣтельству Геродота, Египетъ считался самой здоровой страной.

Бъ сожалѣнію, въ настоящее время, вслѣдствіе пренебреженія, оказываемаго къ древнимъ гигиеническимъ законамъ, эта страна сдѣлалась мѣстопребываніемъ чумы, которая, губительно опустошая цѣлыя области, иногда вторгалась и въ Европу. Не разбирая многочисленныхъ способовъ бальсмированія у Египтянъ, изложимъ здѣсь только болѣе употребительные способы:

- 1) Тѣло освобождалось отъ жира и мягкихъ частей посредствомъ дѣйствія соды;
- 2) Тщательно вымытое, оно сушилось на воздухѣ или сушилось;
- 3) Предохранялось отъ разныхъ внѣшнихъ вліяній помощью бальзамовъ, древесной смолы и соли;

4) Опоясывалось нѣсколько разъ бинтами и покрывалось каменною (дитта) или смолой.

Для состоятельныхъ лицъ были употребляемы съ этою цѣлью благовонія (ароматы) какъ напр. мирра, сабуръ (aloes), древесный квасій, для бѣдныхъ же кедровая, асфальтовая смола и сода.

Срокъ для бальсамированія, смотря по времени, употреблявшемуся на высушиваніе, былъ различенъ, — отъ 40 до 70 дней, какъ свидѣлствуетъ святое писаніе: (гл. 50) „Іосифъ, увидѣвъ отца своего мертвымъ, велѣлъ лекарямъ отдать ему послѣдній долгъ бальсамированія, что и исполнено въ теченіи 40 дней“ (согласно съ принятымъ въ то время обычаемъ). Съ другой стороны, по мнѣнію Геродота, тѣло сушилось не менѣе 70 дней.

У богатыхъ вынимали мозгъ чрезъ ноздри, посредствомъ крючка, а внутренности чрезъ отверстіе, сдѣланное острымъ камнемъ съ боку тѣла; всѣ полости наполнялись асфальтомъ, миррою, корицею и другими ароматами. Тѣла, приготовленные такимъ образомъ, солили и покрывали слоемъ соды; потомъ украшали лице, руки и ноги золотомъ.

Достоинно удивленія искусство опоясыванія всего тѣла и конечностей бинтами отъ 15 до 20 разъ. Обвернутое и приготовленное такимъ образомъ тѣло покрывали лакомъ, расписывали іероглифами и запирали въ нѣсколькихъ деревянныхъ гробахъ, сдѣланныхъ по формѣ человѣческаго тѣла.

Приготовленные такимъ образомъ муміи ставили въ гробницахъ, гдѣ при хорошихъ условіяхъ и сохранились онѣ до нашихъ временъ въ видѣ темныхъ или черныхъ, твердыхъ, тяжелыхъ, прочныхъ тѣлъ, не потерпѣвшихъ никакихъ измѣненій отъ вліянія воздуха, но обнаружившихъ только присутствіе соли на поверхности.

Муміи, или ксакосы индусовъ приготовлены точно такимъ же образомъ, какъ и вышеупомянутыя, но свиду онѣ желты, при томъ же легки, пахучи и покрыты изваяніями. У этого народа набальсамированное и зашитое въ козліную кожу тѣло ставили въ такомъ

Не знаю, чему слѣдуетъ болѣе удивляться въ искусствѣ сохраненія тѣлъ Египтянами, ловкости ли исполнителей или же тщательности въ соблюденіи физическихъ условій? Довольно сказать,

что окончательныя изслѣдованія открыли въ катакомбахъ различныя вещества, а именно: азотъ и углекислую соль, сѣрнистый и хлористый калий, іодистыя соединенія, извѣсть и магнезію.

Впрочемъ, не смотря на столь различные результаты, добытые изслѣдованіемъ, надо полагать, что первоначально употреблялась только высушка и ароматическія вещества. Впослѣдствіи же начали входить въ употребленіе соли, добытыя изъ болѣе изслѣдованныхъ веществъ.

Жители Эіопіи, имѣя достаточное количество камеди, покрывали ею тѣла умершихъ. Скифы и Персы употребляли воскъ; впрочемъ это дѣлалось не съ цѣлью сохраненія тѣла отъ разложенія, на продолжительное время, а для того, что бы оно не издавало зловонныхъ испареній во время похоронъ.

Плиній (въ книгѣ 22, главѣ 24) говоритъ, что камедь не достаточна для сохраненія тѣла отъ разложенія.

Стаций упоминаетъ въ своихъ стихахъ, что Александръ великій послѣ смерти былъ натираемъ медомъ; однакожь оказалось, что этотъ способъ не могъ предохранить его на долгое время отъ порчи, ибо по открытіи гробницы этого государя, не нашли въ ней ничего, кромѣ пыли, оставшейся отъ костей.

Мнѣніе, будтобы Римляне бальсамировали египетскимъ медомъ, подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ въ ихъ гробницахъ находятъ куски костей.

Однако же Целій Родигинъ въ своей книгѣ древностей говоритъ, что во время папы Сикста IV найдено на аппіевой дорогѣ (Via Appia), въ гробѣ, тѣло дѣвочки, сохранившее всю красоту лица и золотистые, облокурые волосы, сплетенные въ косы. Полагали, что это было тѣло Тулліи, дочери Цицерона. Если этотъ фактъ справедливъ, о чемъ однако же не упоминаетъ ни одинъ изъ прочихъ историковъ, то можно полагать, что основаніемъ сего бальсмированія была квасцовая соль, извѣстная Римлянамъ.

Св. Іоаннъ упоминаетъ, что Никодимъ взялъ 100 фунтовъ мирры и имбиря для того, что бы набальсмировать тѣло Іисуса Христа, которое вмѣстѣ съ этими благовоніями обернули простынею. Нѣтъ нужды отрицать увѣреніе Корнелія Янсена, что сабуръ и мирра имѣютъ свойство упорно противодействовать гніенію.

Средневѣковые народы, слѣдуя примѣру Египтянъ, долгое время вынимали внутренности и употребляли алкоголь, благовонное масло, особенныя мази и т. д. для людей высшаго класса, для другихъ же употребляли порошки изъ бальзамическихъ и благовонныхъ растений, а равно и соли въ порошокъ. Генрихъ I, король англійскій въ 1135 году былъ набальсмированъ такимъ способомъ: во первыхъ сдѣлали большіе разрѣзы во всѣхъ частяхъ тѣла, потомъ смѣшали соляной порошокъ съ мазью и, зашивъ все это вмѣстѣ въ воловью кожу, положили въ гробъ.

Употребленіе соли для сохраненія тѣлъ государей—историческій фактъ. Тѣло Генриха V-го, англійскаго короля, по словамъ Ювенала изъ Урсіуса, было положено въ котелъ, гдѣ мясо посредствомъ варки отдѣлялось отъ костей, потомъ вода была слита, а оставшееся мясо и кости положены въ ящикъ съ благовонными травами.

Докторъ Руйшъ (Ruysch), знаменитый анатомъ, прославился искусствомъ бальсмированія. Онъ собралъ значительную коллекцію инъектированныхъ частей тѣла съ ихъ естественнымъ цвѣтомъ и всею гибкостью. Императоръ Петръ Великій, посѣтивъ этого анатома, поцѣловалъ тѣло набальсмированной дѣвочки, которая казалась совершенно живою. Руйшъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, продалъ ему свой кабинетъ за 4,500 рублей серебромъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ безпрестанныхъ трудахъ, Руйшъ умеръ въ 1731 году, унести свой секретъ въ могилу. Изъ его препаратовъ почти ничего не осталось ни въ Германіи, ни въ С.-Петербургѣ.

Дарконвиль (Darconville) въ 1762 году открылъ противугниlostное свойство ѣдкой сулемы. Знаменитый Шозье (Chausier) примѣнилъ ее къ сохраненію тѣлъ животныхъ, а Бекляръ, адъюнктъ по каеерѣ анатоміи въ парижскомъ медицинскомъ факультетѣ, бальсмировалъ, по собственному описанію, слѣдующимъ образомъ: „на трупъ умершаго послѣ осьмидневной лихорадки молодого чело-вѣка, родители котораго не желали чтобы тѣло его было вскрыто, онъ сдѣлалъ глубокіе разрѣзы и мацерировалъ его въ сублиматической ваннѣ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Послѣ этого тѣло, пропитанное сублиматомъ, было вынуто изъ ванны, и въ теченіе нѣсколькихъ дней подвергалось для высушки дѣйствию возвышенной темпе-

ратуры, и потомъ, запертое въ стеклянный гробъ, въ продолженіи года не издавало никакого непріятнаго запаха и не обнаруживало никакого слѣда гніенія. Кожа представлялась сѣросвинцовой, и только на лицѣ замѣчались измѣненія въ уменьшеніи губъ, щекъ, и ушей. Въ такомъ состояніи оно было отдано семейству.

Итальянскій врачъ Буджіаретти (Bugiaretti) соединялъ мышьякъ съ сулемою и впрыскивалъ растворъ этой смѣси въ общую сонную артерію, правую яремную вену; за тѣмъ посредствомъ троакара прокалывалъ грудь и брюхо и насыщалъ такимъ образомъ этою смѣсью трупъ. Но результаты этого способа были не лучше вышеупомянутыхъ.

Докторъ Тронхина изъ Неаполя пріобрѣлъ себѣ громкую славу сохраненіемъ тѣлъ. Его способъ заключался въ впрыскиваніи въ трупъ раствора одного килограмма мышьяковой кислоты въ 10-и квартахъ воды. Но такая крѣпость раствора опасна и для самыхъ операторовъ и не соответствуетъ цѣли бальсмированія, такъ какъ трупъ получаетъ цвѣтъ лица синій, тѣло представляетъ одинъ только скелетъ, покрытый кожею, лишенною кожицы.

Послѣ столькихъ бесполезныхъ опытовъ, потеряли надежду отыскать дѣйствительныя противугниlostныя средства и примѣнить въ практикѣ такъ называемый египетскій методъ. Считали выдуманной бальсмированіе тѣлъ сенаторовъ Имперіи, герцога де Берри и короля Людовика XVIII.

Но появленіе Ганнала съ его новымъ изобрѣтеніемъ, опирающимся на научномъ основаніи, опять обратило вниманіе публики на этотъ предметъ. Ганналъ, послѣ многихъ опытовъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что самыя лучшія противугниlostныя средства есть поваренная соль и квасцы.

Вотъ исходная точка опытовъ Ганнала, на которыхъ основано его искусство бальсмированія. Но назначенная медицинскимъ факультетомъ, для рѣшенія конкурса, между нимъ и докторомъ *Susquet*, коммисія открыла въ его жидкости присутствіе значительнаго количества соды мышьяковой.

Растворомъ этимъ онъ инъектировалъ тѣло дитяти Вилетъ, которое, будучи выставлено публично на столѣхъ Моргъ (*) въ те-

(*) Публичное мѣсто, гдѣ выставляютъ умершихъ.

ченіе трехъ мѣсяцевъ, сдѣлало имя его популярнымъ и приобрѣло ему славу.

Когда Ганналь развилъ труды свои до большихъ размѣровъ, отравляющее вліяніе упомянутаго раствора имѣло послѣдствіемъ то, что полиція запретила ему употребленіе мышьяковыхъ препаратовъ и сулемы при бальсмированіи.

Полвѣка тому назадъ, въ Англіи явилась брошюра, предлагавшая хлористое олово, какъ средство къ сохраненію животныхъ тѣлъ. Соль эта составляла главное средство изобрѣтенія аптекаря *Rosques* и доктора *Susquet*. Но, по мнѣнію Малягутти, представленные докторомъ *Susquet* препараты кажется, предварительно были инъекцированы сѣрнистымъ натромъ, и только потомъ погружали ихъ въ растворъ хлористаго олова.

Не желая выходить изъ предѣловъ этаго сочиненія, мы упомянемъ здѣсь еще только о способѣ доктора *Roux*, который употребляетъ съ отличнымъ результатомъ сѣрнистое олово къ сохраненію дѣтей, а хлоръ для взрослыхъ; о способѣ вѣнскаго проф. *Гиртля*, заключающемся въ наливаніи спиртомъ, смѣшаннымъ съ извѣстнымъ количествомъ азотистыхъ квасцовъ. Профессоръ *Бурровъ* употребляетъ съ этой цѣлью смѣсь уксусно-кислыхъ квасцовъ съ уксуснокислымъ оловомъ. Способъ *Демена* основывается на употребленіи фениловой кислоты.

Съ своей стороны, и я, благодаря постояннымъ сношеніямъ съ современными изобрѣтателями вышеупомянутыхъ способовъ бальсмированія, могъ близко ознакомиться съ этимъ предметомъ.

Нынѣ, повторивъ ихъ опыты, я принялъ способъ доктора Сюккѣ съ нѣкоторыми измѣненіями, которыя, значительно уменьшая издержки на бальсмированіе, нисколько не уступаютъ въ прочности и доброкачественности способамъ бальсмированія другихъ изобрѣтателей. Въ хорошихъ свойствахъ этой модифицированной методы я могъ убѣдиться при бальсмированіи многочисленныхъ труповъ, служащихъ студентамъ для занятій въ анатомическомъ театрѣ здѣшняго Университета, какъ равно на многихъ бальсмированныхъ мною тѣлахъ извѣстныхъ лицъ.

Мы видимъ, что анатомія, какъ наука, оказывающая столь важныя и многочисленныя услуги, не должна отвращать насъ отъ себя; напротивъ того, всѣ, если не спеціально, то, хотя въ главныхъ чер-

тахъ, должны познакомиться съ строеніемъ человѣческаго тѣла. Тотъ, которому его организмъ совсѣмъ не извѣстенъ, легко подчиняется вліянію окружающей его среды, и къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчаются лица, хотя и одаренные необыкновеннымъ умомъ, но легко вѣрящіе всякимъ вздорамъ на счетъ этого предмета.

Наконецъ, развѣ философъ или всякій здравомыслящій испытатель природы не найдетъ въ этой наукѣ обширнаго поля для многихъ соображеній, возвышенныхъ домысловъ и ощущеній? Совершенство строенія всѣхъ частей тѣла, удивительная гармонія и связь ихъ должны конечно восторгать и изумлять разсматривающихъ это чудо. Здѣсь атеистъ согнетъ свои колѣна предъ Всомогуществомъ Создателя; здѣсь его надменное воображеніе найдетъ себѣ могилу. Поэтому анатомія, совокупно съ фізіологіею, преподается въ теологическихъ и философскихъ факультетахъ.

Анатомія нисколько не противорѣчитъ Богословію, и задача ея ясно доказываетъ это. Даже нѣкоторые изъ папъ, признавая важность сей науки, усердно занимались ею.

Чтобы представить это тѣсное согласіе между анатоміею и религіею болѣе рельефно, я приведу здѣсь слова многоуважаемаго покойнаго профессора вилenskaго университета Лобенвейна, высказанныя имъ въ торжественной рѣчи при открытіи анатомическаго театра: „Анатомія, хорошо понятая, нисколько не расходится съ религіознымъ чувствомъ, а напротивъ того служитъ ему хорошимъ основаніемъ, такъ какъ религія указываетъ намъ разныя дѣянія Всомогущаго Создателя и заставляетъ вѣрить онымъ; анатомія, разбирая мудрое устройство человѣка, помогаетъ развитію убѣжденія, что надъ чувствами и всею природою находится высшее Всомогущее Существо, Владыка, Творецъ какъ земнаго, такъ и невидимаго порядка. Исторія представляетъ намъ нерѣдкіе примѣры того, какъ нѣкоторые изъ величайшихъ безбожниковъ, не хотѣвшихъ знать Бога, и отвергавшихъ слѣпую вѣру, при видѣ мудраго анатомическаго устройства тѣла, гдѣ въ малѣйшей частицѣ оказывается цѣль и связь съ цѣлымъ, прунуждены были узнать Его.“

